

Специфика диалогичности современной православной миссионерской проповеди: виды, средства, функции

ОЛЬГА ПРОХВАТИЛОВА*

Феномен диалогичности слова, высказывания, текста, мышления является предметом исследования целого ряда наук гуманитарного цикла – риторики, литературоведения, лингвистики, стилистики, психологии, в каждой из которых формируется свое представление о сущности и функциях этого явления.

С позиций лингвистики интерес к изучению диалогичности обусловлен становлением теории диалога. Толкование диалога как основы мыслительной и речевой деятельности привело к развитию функционально-коммуникативного направления, постулировавшего диалогическую природу монологического текста и активизировавшего интерес к изучению диалогичности текста.

В специальной литературе существуют различные трактовки сущности диалогичности. Так, в некоторых стилистических работах диалогичность монологического контекста признается стилистическим приемом и ассо-

* <https://orcid.org/0000-0003-0990-8229>, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 12_09@mail.ru

цируется с использованием средств активизации внимания (Славгородская 1978; Винокур 1990 и др.). Диалогичность рассматривается также как выражение в речи многоголосия общения с целью достижения эффективности коммуникации в той или иной сфере общения (Дускаева 2012). Однако в большинстве современных лингвистических исследований диалогичность понимается как важнейшая текстовая категория и рассматривается применительно к монологическим структурам текста, в рамках которых актуальны диалогические отношения (Кожина 1986; Болотнова 2009, Котюрова 2010 и др.).

Вместе с тем вопрос о категориальном статусе диалогичности текста не нашел однозначного решения в специальной литературе. Обычно диалогичность рассматривается как семантико-стилистическая категория. Основы такого подхода были заложены в работах М. Н. Кожинной (Кожина 1986 и др.), где представлена наиболее полная концепция диалогичности: на материале научных текстов выявлены формы и подробно описаны языковые средства выражения данной категории, определена ее специфика в аспекте полевого структурирования. Однако исследователем недостаточно дифференцированы типы диалогичности, не изучен в полном объеме функциональный потенциал данной категории. Кроме того, разработанный М. Н. Кожинной подход к решению проблемы диалогичности накладывает ограничения по стилю на привлекаемые в качестве материала исследования тексты, в связи с чем его применение на практике не всегда является эффективным.

Мы придерживаемся иной точки зрения на диалогичность и осмысливаем ее в качестве речемыслительной функционально-семантической категории, в которой проявляются те или иные признаки диалога. Наш подход, впервые опробованный на материале религиозных текстов (Прохватилова 1999), основывается на признании существования в высказывании двух симметричных модусных сфер – сферы субъекта речи („я”-сфера) и сферы адресата речи („ты”-сфера), актуализация которых обеспечивает его авторизацию (т.е. речевую позицию субъекта речи) или адресацию (т.е. направленность речи на адресата).

Опираясь на понятия адресации и авторизации мы различаем три типа диалогичности – внешнюю, внутреннюю и глубинную, каждая из которых характеризуется набором признаков в плане содержания и комплексом моделей в плане выражения (Прохватилова 1999).

Внешняя диалогичность обеспечивается актуализацией в высказывании его „ты”-сферы и эксплицируется за счет введения в монологический контекст языковых форм, наиболее частотных для диалогической ситуации общения. Она отражает диалогические отношения „субъект речи – адресат” и выполняет следующие функции: обозначения статуса адресата, активизации его внимания, выражения отношений между субъектом и адресатом речи.

Внутренняя диалогичность реализует в монологическом контексте один из основных признаков диалога – реплицирование, она связана с актуализацией „я”-сферы высказывания и сопровождается модификациями этой сферы, то есть введением в монолог чужой речи, которая представляет собой персонифицированное и авторизированное отражение разных смысловых позиций, точек зрения.

Средствами экспликации внутренней диалогичности являются формы передачи чужого слова – прямая, косвенная и несобственно-прямая речь. В числе функций воспроизводимой чужой речи можно назвать авторитарную, аргументативную, интерпретирующую, полемическую, конструктивную и др.

Если внешняя и внутренняя виды диалогичности находят воплощение в текстах любой стилистической принадлежности, то глубинная диалогичность присуща только религиозным текстам (прежде всего молитве и проповеди) и отражает их специфику. Она является воплощением особого евангельского диалога, который составляет основу религиозного общения и возникает при цитировании Священного писания, что приводит к актуализации особого Субъекта речи, и при чтении молитвословий или включении их в религиозный текст, что связано с появлением особого Адресата речи.

Данная концепция дает системное представление о диалогичности и может быть применена к любому стилистическому материалу. Такой подход составляет теоретическую базу для анализа массива языковых фактов в ряде исследований, в том числе диссертационных, которые были проведены на основе научных, публицистических, художественных, рекламных, религиозных текстов (см., например: Прохвятилова 1999, 2018; Чубай 2007, Вотрина 2012, Фотина 2017).

Диалогичность как сущностный признак проповеди нашла на сегодняшний день свое достаточно полное описание (см.: Прохвятилова 1999),

однако современная миссионерская проповедь еще не привлекалась в качестве объекта изучения в этом аспекте. Между тем, по нашим наблюдениям, в миссионерской проповеди происходит весьма существенная трансформация формы (см., например: Прохватилова 2018), которая может найти отражение и в реализации категории диалогичности.

В качестве материала были использованы тексты проповедей, размещенных на канале YouTube в видеоблоге „Batushka ответит”. Этот проект, автором и ведущим которого является иерей Александр (Кухта), существует с января 2016 года и ориентирован в первую очередь на молодых людей от 20 до 30 лет. Всего было проанализировано 8 проповедей, тематическая направленность которых многообразна и включает прояснение отдельных понятий христианства (Что такое грех, эфир 21.11.2016; Рабы Божии, эфир 26.03.2019; Про святых, эфир 05.12.2017), рассмотрение вопросов веры и церковной жизни (О покаянии, эфир 28.11.2016; О посте, эфир 25.03.2017; Сколько стоит церковная свеча, эфир 05.03.2019), раскрытие взаимоотношений церкви и общества (Наука и религия, эфир 22.01.16; Церковь и эволюция, эфир 23.06.2017). По своему типу все они относятся к числу миссионерских проповедей.

Анализ показал, что в современной миссионерской проповеди представлены три вида диалогичности, свойственные этому жанру: внешняя диалогичность, внутренняя диалогичность и глубинная диалогичность. Остановимся на этом подробнее.

Внешняя диалогичность является важнейшим свойством монологического текста, поскольку реализует его направленность на адресата, позволяет активизировать внимание слушателей, обозначить тип отношений „говорящий – слушающий”. Традиционно в проповеди средствами внешней диалогичности выступают разноуровневые языковые средства, которые а) обозначают наличие реального адресата, его количественные параметры (множественность, степень его активности в процессе проповедания и его оценку субъектом речи); б) передают иерархию речевых амплуа участников коммуникации. Отношения между участниками коммуникации в проповеди были определены нами как иерархичные, с одной стороны, и равноправные – с другой. Иерархия, или асимметрия отношений „говорящий – слушающий”, основывается на восприятии слушателями произносящего проповедь пастыря как духовного отца, наставника, на признании его авторитета. Симметричные отношения между

верующими и священнослужителем в процессе проповедания являются отражением соборности богослужения и проповеди как ее составляющей, равенства членов церковной общины, церковного братства (подробнее см.: Прохвятилова 1999: 247–251).

К числу средств, указывающих на наличие реального адресата проповеди, относят *глагольные* и местоименные формы 2-го лица множественного числа (*вы знаете, вы помните, вы слышали*), вопросительные предложения (*...а как непрестанно молиться?*), вопросно-ответные единства (*...как мы отречаемся? Мы отречаемся от Христа словами, когда мы говорим что не знаем Его...*) и обращения (*друзи наши, дорогие мои*). Во вторую группу средств внешней диалогичности включаются лексико-грамматические средства, демонстрирующие отсутствие иерархичной привилегированности субъекта речи над ее адресатом: обращения (*братья и сестры*), глагольные формы 1-го лица множественного числа изъянительного, повелительного и употребляющегося в функции императива сослагательного наклонения (*мы молимся, простим друг другу, ...а мы бы предоставили Ему место жить у нас в сердце...*), личные и притяжательные местоименные „мы”-формы (*...потому что ни что иное, как наши грехи с вами возвели на крест, на смерть Богочеловека...*), и грамматические средства, выступающие сигналами асимметричных отношений между говорящим и слушающим: „специальные” императивные формы 2-го лица множественного числа (*...ни в коем случае не бойтесь никого, кроме Бога одного...*).

Анализ показывает, что в православной миссионерской проповеди наблюдается использование некоторых традиционных для проповеди языковых средств создания внешней диалогичности. Это глаголы изъянительного наклонения и местоимения во 2-ом лице множественного числа, вопросительные предложения и вопросно-ответные единства, глагольные „мы”-формы изъянительного наклонения и местоименные (личные и притяжательные) формы 1-го лица множественного числа, „специальные” императивные формы 2-го лица множественного числа. Например:

...в ютубе, вы все это знаете, есть много классных каналов, авторы которых делают действительно интересный и полезный контент... (Сколько стоит церковная свеча, эфир 05.03.2019);

...помните историю, когда распинали Христа, рядом с ним висели два разбойника?... (О покаянии, эфир 28.11.2016);

...а сколько среди христиан святых? Каков процент тех, кто не сломался на этом пути? Правильный ответ мы не знаем наверняка, последнее слово всегда остается за Богом, только Он решает, кто спасется, а кто нет... (Про святых, эфир 05.12.2017);

...Поскольку поступки мы совершаем разные и вообще имеем склонности к разным грехам: кто-то ленивый, кто-то жадный, кто-то похотливый и так далее, поэтому и грех-болезнь, которая внутри нас, имеет разные штаммы... (Что такое грех, эфир 21.11.2016);

...поститесь не по букве, поститесь по духу, чтобы всегда делать верный выбор... (О посте, эфир 25.03.2017).

Названные средства актуализируют „ты”-сферу высказывания, поскольку указывают на наличие адресата, его параметры (множественность/единичность), активизируют внимание адресата, маркируют характер взаимоотношений (иерархия/симметрия) говорящего и слушающих.

Наряду с этим зафиксирована модификация некоторых традиционных для проповеди способов создания внешней диалогичности, в частности обращений и приветствий (*братишки и сестренки, всем привет, пока, до скорого*), приводящая к снижению стилистического яруса общения и позволяющая максимально интимизировать языковое пространство, подчеркнуть симметричный характер взаимоотношений проповедника и его аудитории.

Кроме того, отмечается существенная трансформация системы императивных форм, актуализирующих внешнюю диалогичность проповеди, что проявляется в значительном уменьшении частотности „специальных” императивных форм 2-го лица множественного числа и „мы”-форм повелительного наклонения, а также в вытеснении „мы”-форм употребляющегося в функции императива сослагательного наклонения. Вместо этого появляются „специальные” императивные глагольные формы 2-го лица единственного числа в обобщенно-личном значении. При этом семантика побуждения становится менее яркой. Ср.:

...если мы видим, что священник заботится о храме, и мы хотим его в этом поддержать, то свечка – один из способов помочь церкви. Другими словами, хочешь затратить на конкретный храм, возьми там свечку... (О посте, эфир 25.03.2017).

Наконец, отмечается появление новых для проповеди средств создания внешней диалогичности – местоименных и глагольных форм изъянительного наклонения 1-го и 2-го лица единственного числа с обобщенно-личным и ослабленным индивидуально-личным значениями, которые максимально активизируют внимание аудитории, например:

...ты человек, и ты все равно ставишь перед собой цели, за что-то держишься и на что-то ориентируешься в жизни, в этом твоя суть, ты можешь двигаться к Богу – тогда ты раб (в смысле работник) Божий, а можешь двигаться к греху – тогда ты соработник греха... (Рабы Божии, эфир 26.03.2019);

...в реальности метанойю нужно выстрадать большой работой над собой: я знаю, что у меня есть грехи-болезни, я хочу от них избавиться и прихожу на исповедь с мыслью оставить прежний образ жизни, я надеюсь на помощь Бога и я ее получаю, но всё равно даже после всего этого рано или поздно я падаю, потому что я человек с поврежденной природой, но я не отчаиваюсь, я снова повторяю весь путь до тех пор, пока грех во мне не будет уничтожен, и Господь помогает мне на этом пути ровно настолько, насколько я готов измениться... (О покаянии, эфир 28.11.2016).

Продемонстрированные языковые средства внешней диалогичности актуализируют адресатность православной миссионерской проповеди, принимают участие в экспликации статуса адресата и его оценки говорящим. Они конкретизируют направленность речи, констатируют реальность второго участника общения, активизируют его внимание, фиксируют иерархичные или симметричные отношения участников коммуникации.

Помимо внешней диалогичности в нашем материале представлена и внутренняя диалогичность. Она реализуется в монологическом контексте один из основных признаков диалога – реплицирование, связана с актуализацией „я”-сферы высказывания и сопровождается модификациями этой сферы, которые возникают путем замещения в речи позиции говорящего лица (Прохватилова 1999: 284).

Средствами изменений „я”-сферы высказывания выступают формы чужой речи. Идея о том, что чужая речь, включенная в авторский монологический контекст, является источником диалогичности текста принадлежит М. М. Бахтину. В основе предложенного им подхода лежит понимание чужой речи как высказывания *другого* субъекта, которое первоначально совершенно самостоятельно и лежит вне данного контекста и которое может восприниматься говорящим как определенная *смысловая позиция* этого *другого* субъекта (Бахтин 1993: 125, 140). При введении чужой речи

в монологический контекст происходит „столкновение двух коммуникативных сфер”, а именно сфер реальной и воспроизводимой говорящим коммуникаций (Китайгородская 1993: 66). Вследствие этого в монологе, наряду с авторским планом, появляется план субъекта цитируемого высказывания и создается двуплановость сообщения, разрушающая монологическую монолитность речи и приводящая к возникновению ее диалогичности.

При рассмотрении специфики внутренней диалогичности православной миссионерской проповеди важно установить формы и сигналы ввода в контекст чужой речи, раскрыть ее функции, охарактеризовать источники цитирования, определить типы диалогических отношений между авторским и чужим словом.

По нашим наблюдениям, в миссионерской проповеди для введения чужого слова используются различные виды прямой и косвенной речи – собственно прямая, полупрямая, собственно косвенная и скрытая косвенная, которые варьируются по степени обособленности в монологическом контексте.

Так, прямая речь, сохраняя модально-синтаксический план первичного высказывания, его лексические и эмоционально-стилистические особенности, позволяет предельно четко обозначить границы авторской и цитируемой речи. Например:

...„Хорошо, – говорили комментаторы, – за что канонизировали Николая II и его семью мы поняли”... (Про святых, эфир 05.12.2017).

В полупрямой речи происходит смешение форм прямой и косвенной речи, поскольку в ней остается неизменным лексический состав и грамматический строй чужого слова, но передается оно в виде придаточного предложения, что усиливает эффект достоверности, например:

...кстати, не нужно обманываться, говоря, что „вот сейчас я оттянусь по полной, а потом в конце жизни покаюсь”, так не получится... (О покаянии, эфир 28.11.2016).

В собственно косвенной речи чужое слово сохраняет свою пространственную обособленность в авторском высказывании и локализуется в придаточном предложении, зависящем от глагола, например:

...меня в комментах спрашивали, что я думаю, есть ли эволюция сегодня (Церковь и эволюция, эфир 23.06.2017).

Что касается скрытой косвенной речи (термин К. А. Долинина, см.: Долинин 1985: 228), то в этом случае модально-синтаксический план чужого слова выделен в тексте с помощью синтаксической модели „глагольная форма + отглагольное существительное в функции прямого дополнения” и целиком растворен в авторской речи, что позволяет передать не первоначальное чужое высказывание, а только его общий смысл, например:

...поэтому христиане призывают к постоянному трезвению к работе над собой к самоконтролю... (О покаянии, эфир 28.11.2016).

Метатекстовыми сигналами ввода чужого слова в православной миссионерской проповеди выступают обычно глаголы говорения широкой семантики (*говорить, сказать*). В единичных случаях наблюдается употребление глаголов письма (*писать*), волевой семантики (*призывать*), глаголов речи, имеющих значение вопроса (*спрашивать*), например:

...Мы, христиане, говорим о том, что абсолютно не в наших силах избавиться от греха как от болезни, изменить самим нашу природу... (Что такое грех, эфир 21.11.2016);

...еще Иоанн Златоуст писал: „Кто станет слушать Священное писание без рассуждения и все понимать буквально, тот может предполагать много нелепого о Боге. Тот же, кто будет вникать в глубину смысла, разрешит все недоумения”... (Церковь и эволюция, эфир 23.06.2017).

Отмечаются единичные случаи использования и других способов ввода чужой речи – в частности, вводной конструкции с указанием на источник цитирования, например:

...как писал один древний святой, „Бог для того стал человеком, чтобы человек стал Богом”... (Рабы Божии, эфир 26.03.2019).

Кроме того, зафиксированы и случаи нулевого ввода чужой речи, т.е. без специальных средств. При этом чужое слово тематически или стилистически резко контрастирует с авторской речью, например:

...Большинство людей, которые приходят на исповедь, занимаются банальным перечислением своих проступков. Особенно это актуально для женщин в возрасте, которые уже на пенсии сидят и скучают дома. Они любят подробно рассказывать о тонкостях своих взаимоотношений с подругами, родственниками и соседками, то есть большинство людей, с которыми мне приходится сталкиваться, видят грех именно как конкретное событие, проступок, который они совершили в своей жизни: „Вчера

я поругался с соседкой, потому что ее кот ходит ко мне на огород и подкапывает мои огурцы. В процессе ругани я сказал ей вот такой перечень нехороших слов"... (Что такое грех, эфир 21.11.2016).

Анализ показывает, что воспроизводимое в православной миссионерской проповеди чужое слово может принадлежать различным субъектам. Прежде всего это такие традиционные для проповеди источники цитирования, как высокие духовные авторитеты церкви. При этом имя автора цитируемого высказывания может указываться, а может и не называться, например:

...еще Иоанн Златоуст писал: „Кто станет слушать Священное писание без рассуждения и все понимать буквально, тот может предполагать много нелепого о Боге. Тот же, кто будет вникать в глубину смысла, разрешит все недоумения"... (Церковь и эволюция, эфир 23.06.2017);

...как писал один древний святой, „Бог для того стал человеком, чтобы человек стал Богом"... (Рабы Божии, эфир 26.03.2019).

Анонимность чужой речи, когда при ее репродукции называется лишь позиция автора в церковной иерархии власти и святости, приводит к усилению объективности и авторитетности содержательной стороны цитируемого высказывания, которое в данном случае начинает восприниматься как универсальное, отражающее мнение не конкретного лица, но церкви в целом.

Иерархическая высота цитируемой проповедником речи подчеркивается и формой ее передачи: предпочтение отдается прямой речи.

Смена речевой позиции в православной миссионерской проповеди происходит в том случае, когда священник воспроизводит точку зрения христианина, христианства в целом на описываемые события или рассматриваемые понятия, например:

...но христиане придают этому понятию более широкое значение. Кроме как на конкретный поступок, мы смотрим на грех как на болезнь, общий диагноз человека. Мы говорим о том, что современное состояние человека неправильное... (Что такое грех, эфир 21.11.2016).

...поэтому христиане призывают к постоянному трезвению, к работе над собой, к самоконтролю... (О покаянии, эфир 28.11.2016).

Источником цитирования в миссионерской проповеди может выступать гипотетическая речь мирян, авторов комментариев к ролику, например:

...пост часто настолько меняет наше поведение, что людям со стороны кажется, что „у этого товарища не все дома и с ними в секту я точно не пойду“... (О посте, эфир 25.03.2017);

...привет! Недавно мы выпустили неплохой ролик на тему „За что канонизировали Николая II“ [...] но в комментах к тому ролику нам указали на один изъян: „Хорошо, – говорили комментаторы, – за что канонизировали Николая II и его семью мы поняли. Правда, нам совершенно неясно, почему вместе с ним Церковь не канонизировала и тысячи других людей, которые так же были убиты и наверняка беззлбно, как и он, приняли свою смерть“... (Про святых, эфир 05.12.2017).

Кроме того проповедник может цитировать известных журналистов и воспроизводить речь героев современных книг, например:

...профессор Дамблдор в траурной речи о Седрике говорит, что когда наступал выбор между легким и правильным, он всегда выбирал верное... (О посте, эфир 25.03.2017).

Диалогические отношения, возникающие в миссионерской проповеди между авторской и чужой речью, могут носить как унисонный, так и конфликтный характер. В первом случае констатируется тождественность точек зрения говорящего и субъекта цитируемой речи, во втором – несовпадение их взглядов. Анализ показывает, что в нашем материале преобладают унисонные диалогические взаимоотношения высказываний в пределах монологического контекста.

Характер диалогических отношений, возникающих между авторским и цитируемым высказыванием в монологической речи, соотносится с той или иной функцией, которую выполняет чужая речь. Мы выделяем три функции, актуальные для православной миссионерской проповеди: авторитарную, интерпретирующую и конструктивную.

В авторитарной функции чужие высказывания выступают в том случае, когда священник приводит их в подтверждение и для усиления собственных суждений, например:

...Библия это не пошаговая инструкция по сборке шкафа из Икеи, глупо в ней искать ответы на все вопросы из всех областей человеческого знания. Язык Библии – это человечески несовершенный язык, он ограничен своими средствами, особенностями развития общества, культурными особенностями и прочими параметрами. Все эти

нюансы нужно учитывать. Еще Иоанн Златоуст писал: „Кто станет слушать Священное писание без рассуждения и все понимать буквально, тот может предполагать много нелепого о Боге, тот же, кто будет вникать в глубину смысла, разрешит все недоумения”... (Церковь и эволюция, эфир 23.06.2017).

Интерпретирующая функция свойственна чужой речи, когда она используется для более убедительного и наглядного толкования приводимого суждения, например:

...пост ради поста не имеет никакого смысла. Аскеза без цели тщетна. И это не только христианская мысль. Например, Гаутама прошел до самых высших возможных высот йоги и понял, что там нет ничего, там пусто, а потом начал свой особый путь служения и стал Буддой... (О посте, эфир 25.03.2017).

Конструктивная функция реализуется в тех случаях, когда священник вводит чужое высказывание с целью экономии собственных речевых усилий, формулирования мыслей об объекте за счет „чужого слова”, например:

...если вдуматься, действительно – что за дурацкая монополия на свечку? Почему нельзя прийти со своей? Зачем втридорога покупать храмовые свечи? Ведь, как учил дедушка Невзоров, свечка стоит меньше одного рубля, продается как минимум за 15, прибыль – полторы тысячи процентов, почти рекорд, потому что рентабельнее только героин. Я понимаю, что сейчас рискую остаться совсем без подписчиков, но я попытаюсь объяснить, что значит свечка для нас и почему свечи, купленные на улице, не работают... (Сколько стоит церковная свеча, эфир 05.03.2019).

Отметим, что в случаях конфликтности речевого взаимодействия авторского и чужого слова последнее может выступать в конструктивной функции; при наличии унисонных диалогических отношений в рамках диалога репродуцируемая речь может использоваться в авторитарной и интерпретационной функциях.

Наряду с внешней и внутренней диалогичностью в православной миссионерской проповеди представлена и глубинная диалогичность. Этот вид диалогичности связан с особым для православного сознания восприятием сакральных текстов как Слова Божия, когда, по словам С. С. Аверинцева, „каждое слово Библии говорится всякий раз внутри непосредственно говорящего со своим Богом” (Аверинцев 1975: 213). Глубинная диалогичность является отражением в православном сознании отношений между Богом и человеком, миром небесным и земным, духовным и материаль-

ным. Вместе с тем она актуализирует один из важнейших коммуникативных признаков проповеди – ее боговдохновенность как воплощение в Слове Божественной Истины. Вместе с тем отношения диалогичности возникают не только между проповедником и Словом, которое он воспроизводит в своем духовном наставлении, но и между воплощенным в Слове Спасителем и паствой, это Слово воспринимающей (подробнее см.: Прохватилова 1999: 285 – 290).

Обычно глубинная диалогичность находит проявление в проповеди в двух формах: при воспроизведении фрагментов молитвословий и при цитировании Священного писания. В первом случае появляется особый Адресат речи, во втором – особый Субъект.

По нашим наблюдениям, в православной миссионерской проповеди глубинная диалогичность актуализируется в тех случаях, когда проповедник цитирует Священное писание, например:

...христиане придают этому понятию более широкое значение: кроме как на конкретный поступок мы смотрим на грех как на болезнь, общий диагноз человека. Мы говорим о том, что современное состояние человека неправильное. Человек болеет болезнью, которая называется „склонность к греху”. Очень хорошо ее симптомы описал апостол Павел, который о себе говорил: „Доброго, которого хочу, – не делаю, а злое, которого не хочу, – делаю.”... (Что такое грех, эфир 21.11.2016);

...словосочетание раб Божий – это фишка первых веков христианства и постулирует предельно высокий человеческий статус, потому что рабство Богу в античности – это отказ от рабства человеку, в первую очередь самому себе, себе нынешнему ради себя будущего. „Если пребудете в Слове Моем то, – говорит Господь, – познаете истину, и истина сделает вас свободными, потому что где Дух Господень – там свобода”... (Рабы Божии, эфир 26.03.2019).

В этом случае глубинная диалогичность создается благодаря модификациям авторизации, то есть смене источника информации, субъекта речи. Следует отметить, что в миссионерской проповеди не реализуется традиционное просодическое маркирование приводимых в пастырском наставлении фрагментов сакральных текстов: сочетания плавных повышений и понижений тона, а также высокая степень ритмизации речи.

Итак, диалогичность современной православной миссионерской проповеди реализуется в трех релевантных для этого жанра в целом типах – внешней, внутренней и глубинной диалогичности. Специфика их воплощения проявляется в модификации средств и функций отдельных типов диалогичности.

Для создания внешней диалогичности, связанной с направленностью на адресата и актуализацией „ты”-сферы высказывания, наряду с последовательным воспроизведением отдельных конститутивных для этого жанра средств (глаголы изъянительного наклонения и местоимения во 2-ом лице множественного числа, вопросительные предложения и вопросно-ответные единства, глагольные „мы”-формы изъянительного наклонения и местоименные формы 1-го лица множественного числа, „специальные” императивные формы 2-го лица множественного числа) привлекаются новые („специальные” императивные глагольные формы 2-го лица единственного числа в обобщенно-личном значении, местоименные и глагольные формы изъянительного наклонения 1-го и 2-го лица единственного числа с обобщенно-личным и ослабленным индивидуально-личным значениями). При этом функции внешней диалогичности реализуются в полном объеме.

Специфика основанной на смене субъектных сфер внутренней диалогичности миссионерской проповеди проявляется в варьировании функций: реализованными оказываются авторитарная и интерпретирующая функции, невостребованными остаются аргументативная и полемическая, появляется новая конструктивная функция. Кроме того, отмечается расширение источников цитирования за счет включения речи известных журналистов и героев современных книг.

Глубинная диалогичность, обусловленная сущностными признаками жанра, реализуется в миссионерской проповеди только в одной форме – при цитировании проповедником Священного писания. При этом не используются традиционные просодические маркеры этого вида диалогичности – ритмизация и восходящее-нисходящая мелодика.

Литература

- Аверинцев С., 1971, *Греческая литература и ближневосточная словесность. (Противостояние и встреча двух творческих принципов).* – *Типология и взаимосвязи литератур Древнего мира*, ред. П. А. Гринцер, Москва, с. 206–266.
- Бахтин М., 1993, *Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке*, Москва.
- Болотнова Н., 2009, *Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус*, Москва.

- Винокур Т., 1990, Монологическая речь. – *Лингвистический энциклопедический словарь*, ред. В. Н. Ярцева, Москва, с. 310.
- Вотрина Е., 2012, *Функционирование категории диалогичности в научных текстах XX века*: автореф. дисс. ... канд. филол. наук, Волгоград.
- Долинин К., 1985, *Интерпретация текста (Французский язык)*, Москва.
- Дускаева Л., 2012, *Диалогическая природа газетных речевых жанров*, Санкт-Петербург.
- Китайгородская М., 1993, Чужая речь в коммуникативном аспекте. – *Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект*, ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев, Москва, с. 65–89.
- Кожина М., 1986, *О диалогичности письменной научной речи*, Пермь.
- Котюрова М., 2010, Индивидуальный стиль изложения: совокупность логичности, диалогичности и тональности речи ученого, „*Stil*”, № 9, с. 13–26.
- Прохватилова О., 1999, *Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи*, Волгоград.
- Прохватилова О., 2018, Интонационно-звуковые средства православной миссионерской проповеди начала XXI века, „*Вестник Волгоградского государственного университета*”, серия 2, Языкознание, т. 17, № 1, с. 29–36.
- Славгородская Л., 1978, О диалогизации научной прозы. – *Стиль научной речи*, ред. Е. С. Троянская, Москва, с. 106–117.
- Фотина Н., 2017, *Функционирование категории диалогичности в прозе А. П. Чехова*: автореф. дисс. ... канд. филол. наук, Волгоград.
- Чубай С., 2007, *Диалогичность современной политической рекламы*: автореф. дисс. ... канд. филол. наук, Волгоград.

References

- Averintsev S., 1971, Grecheskaya literatura i blizhnevostochnaya slovesnost' (Protivostoyaniye i vstrecha dvukh tvorcheskikhprintsipov). – *Tipologiya i vzaimosvyazi literatur Drevnego mira*, red. P. A. Grintser, Moskva, s. 206–266.
- Bakhtin M., 1993, *Marksizm i filosofiya yazyka: Osnovnyye problemy sotsiologicheskogo metoda v nauke o yazyke*, Moskva.
- Bolotnova N., 2009, *Kommunikativnaya stilistika teksta: slovar'-tezaurus*, Moskva.
- Chubay S., 2007, *Dialogichnost' sovremennoy politicheskoy reklamy*: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk., Volgograd.
- Dolinin K., 1985, *Interpretatsiya teksta (Frantsuzskiy yazyk)*, Moskva.
- Duskayeva L., 2012, *Dialogicheskaya priroda gazetnykh rechevykh zhanrov*, Sankt-Peterburg.
- Fotina N., 2017, *Funktsionirovaniye kategorii dialogichnosti v proze A. P. Chekhova*: avtoref.diss. ... kand. filol. nauk, Volgograd.

- Kitaygorodskaya M., 1993, Chuzhaya rech' v kommunikativnom aspekte. – *Russkiy yazyk v yego funktsionirovaniy: Kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt*, red. Ye. A. Zemskaya, D. N. Shmelev, Moskva, s. 65–89.
- Kozhina M., 1986, *O dialogichnosti pis'mennoy nauchnoy rechi*, Perm'.
- Kotyurova M., 2010, Individual'nyy stil' izlozheniya: sovokupnost' logichnosti, dialogichnosti i tonal'nosti rechi uchenogo, „*Stil*”, nr 9, s. 13–26.
- Prokhvatilova O., 1999, *Pravoslavnaya propoved' i molitva kak fenomen sovremennoy zvuchashchey rechi*, Volgograd.
- Prokhvatilova O., 2018, Intonatsionno-zvukovyye sredstva pravoslavnoy missionerskoj propovedi nachala XXI veka, „*Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*”, seriya 2, Yazykoznanie, t. 17, nr 1, s. 29–36.
- Slavgorodskaya L., 1978. O dialogizatsii nauchnoy prozy. – *Stil' nauchnoy rechi*, red. Ye. S. Troyanskaya, Moskva, s. 106–117.
- Vinokur T., 1990, Monologicheskaya rech'. – *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'*, red. V. N. Yartseva, Moskva, s. 310.
- Votrina Ye., 2012, *Funktsionirovaniye kategorii dialogichnosti v nauchnykh tekstakh XX veka*: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk, Volgograd.

The specifics of dialogicality of contemporary missionary Orthodox preaching: types, means and functions

The article reveals the specifics of the types, means and functions of dialogic modern missionary Orthodox preaching found in the texts of sermons posted in the video blog «Batushka will answer» on YouTube channel. The study is based on the understanding of dialogicality as a property of a monological text associated with the reproduction of dialogic elements in it and the differentiation of three types of dialogicality – external, internal and deep. It is established that for modern Orthodox missionary preaching external, internal and deep dialogicality are actual. Features of realization of each type of dialogicality are revealed. It is shown that in order to create external dialogicality associated with the focus on the addressee and the actualization of the «you» sphere of utterance, along with the consistent reproduction of certain constitutive means for this genre, new ones are involved. Thus functions of external dialogicality are realized in full. It is proved that the specificity of the internal dialogic nature of missionary preaching based on the change of subject spheres is manifested in the change of its functions: authoritarian and interpretive functions are realized, argumentative and polemical functions remain unclaimed, a new constructive function appears. In addition, there is an expansion of sources of citation by including speeches of famous journalists and heroes of modern books. It is demonstrated that the deep dialogicality, due to the essential features of the genre, is realized in mis-

sionary preaching only in one form – when the preacher quotes the Holy Scripture, the traditional prosodic markers of this type of dialogicality are not used.

Key words: *Orthodox missionary preaching, external dialogicality, internal dialogicality, deep dialogicality, means of dialogicality, functions of dialogicality*

